

Вид-во ХарРІНАДУ «Магістр», 2012. – 264 с.

12. Ставицька Л. О. Естетика слова в українській поезії 20-х–30-х рр. ХХ століття / Л. О. Ставицька. – К. : Правда Ярославичів, 2000. – 155 с.

13. Франко І. Зібрання творів : У 50 т. / І. Франко. – К. : Наукова думка 1982. – Т. 33. – С. 174.

14. Франко І. Новини нашої літератури / І. Франко // Літературно-науковий вістник. – 1907. – Т. 39. – № 7–9. – С. 115–118.

15. Хворостяний І. Г. Концепт «свобода» та «свобода волі» як чинник формування системи образів у прозі Панаса Мирного : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. Наук : спец. 10.01.01 «Українська література» / І. Г. Хворостяний. – К. 2013. – 20 с.

16. Черемська О. С. Мовні засоби творення образності в поезії Христі Алчевської / О. С. Черемська, О. В. Масло // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. Сер. : «Історія України. Українознавство : історичні та філософські науки». – Вип. 23. – 2016. – С. 113–118.

УДК 821.161.1

О. Н. Калениченко

Харківський національний університет искусств ім. І.П. Котляревського

**Рецепція глави «Черт. Кошмар Івана Федоровича»
из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского
в литературе Серебряного века**

Калениченко О. М. Рецепція глави «Черт. Кошмар Івана Федоровича» з роману «Брати Карамазови» Ф. М. Достоевського в літературі Срібного віку. У статті розглядаються оповідання «Мана» М. Горького і новела «Спокій» Л. Андрєєва, які чітко виявляють особливості рецепції письменниками глави «Черт. Кошмар Івана Федоровича» з роману «Брати Карамазови» Ф.М. Достоевського. Аналіз показав, що розглянуті твори спираються на структуру глави роману «Брати Карамазови» «Черт. Кошмар Івана Федоровича» і відкриття в зображенні чорта Достоевським. Разом з тим письменники, виявляючи недосконалу природу сучасної людини, пояснюють причини її недосконалості по-різному. Ранній Горький, сподіваючись на розум, не вірить в можливість духовних сил людини. Л. Андрєєв розкриває трагізм буття людини крізь призму експресіоністичного та екзистенціального світовідчуття і, таким чином, робить крок вперед в розумінні природи людини ХХ століття.

Ключові слова: рецепція, структура, образи-символи, ремінісценції, екзистенціалізм, експресіонізм, концепція.

Калениченко О. Н. Рецепция главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского в литературе Серебряного века. В статье рассматриваются рассказы «Наваждение» М. Горького и новелла «Покой» Л. Андреева, отчетливо выявляющие особенности рецепции писателями главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Анализ показал, что рассмотренные произведения опираются на структуру главы романа «Братья Карамазовы» «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и открытия в изображении черта Достоевским. Вместе с тем писатели, выявляя несовершенную природу современного человека, объясняют причины ее несовершенства по-разному. Ранний Горький, полагаясь на разум, не верит в возможности духовных сил человека. Л. Андреев же вскрывает трагизм бытия человека сквозь призму экспрессионистического и экзистенциального мироощущения и, таким образом, делает шаг вперед в понимании природы человека ХХ века.

Ключевые слова: рецепция, структура, образы-символы, реминисценции, экзистенциализм, экспрессионизм, концепция.

Kalenichenko O. N. Reception of chapter «Devil. Nightmare of Ivan Feodorovich» from a novel «Karamazovy Brothers» F. M. Dostoevsky in literature of Silver century. In the article literature works of Silver century («Delusion» of M. Gor'kiy and «Rest» of L. Andreev) are examined, incoming in an original dialog which expressly exposes the features of the writers reception of chapter of «Devil. Nightmare of Ivan Feodorovich» from a novel «Karamazovy Brothers» F.M. Dostoevsky. An analysis retined that the considered works leaned against the structure of chapter of novel «Karamazovy Brothers» of «Devil. Nightmare of Ivan Feodorovich» and opening in the image of devil by Dostoevsky. At the same time writers, exposing imperfect nature of modern man, reasons of its imperfection explain variously. Early Gor'kiy, depending upon reason, disbelieves in possibility of spiritual forces of man. L. Andreev unseals the tragedy of man life through the prism of expressionist and existential attitudes and, thus, does a step forward in understanding of XX century man nature. Except for it, it appears that «Rest» is tricked into by a result to the comprehension of Silver century literature of novel problems of F.M. Dostoevsky «Karamazovy Brothers» and in particular chapters of «Devil. Nightmare of Ivan Feodorovich».

Key words: reception, structure, image-symbols, reminiscences, existentialism, expressionism, conception.

Роман Ф. М. Достоевського «Братья Карамазовы» уже достаточно хорошо изучен исследователями [3, 7]. В то же время глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» еще только начинает осмысляться учеными [1: 385]. Не менее интересным и практически неизученным остается вопрос о рецепции этой главы в литературе Серебряного века [6]. Этому вопросу и будет посвящена наша статья.

Как известно, в романе Достоевского получили особую остроту важнейшие философские вопросы о природе человека, его возможностях и нравственном выборе. Как представляется, М. Горький в рассказе «Наваждение» (1896) и Л. Андреев в новелле «Покой» (1911) вступают в своеобразный диалог, четко выявляющий особенности рецепции писателями идей великого предшественника. Причем Горький и Андреев относительно точно воссоздают структуру главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Так, в начале «Наваждения» и «Покоя» в комнате героя появляется некий господин, с которым у хозяина завязывается продолжительная беседа.

Не менее важно то, что пришельцы Горького и Андреева типологически близки черту Достоевского. Это касается и природы черта как таковой, и роли черта в мире людей. Однако, если в «Братьях Карамазовых» установка на «двойное бытие» «выдерживается на протяжении всего эпизода с чертом» [1: 397, 398], то у Горького – нет. В «Наваждении» перед купцом Фомой Мироновичем неожиданно во сне возникает неизвестное «существо» – «чорт – не чорт, а и не ангел» [4: 462]. У Андреева черт героем вообще воспринимается как данность: «...И пришел к сановнику черт, обыкновенный черт, каких много. В дом он вошел под видом священника..., но умершему предстал во всей своей святой правде. Сановник сразу догадался, что черт пришел неспроста, и обрадовался...» [2: 7].

Кроме этого, писатели стремятся выявить либо некоторые черты, либо незначительные детали внешности гостей. У Горького перед героем в «Наваждении» появляется «маленький, худой и бледный человек, с большими ласковыми глазами» [4: 465], у андреевского черта «волосатые плечи», а «на правой ноге к шерсти пристал кусочек сухой грязи» [2: 9, 11].

Однако самым интересным и показательным в рассматриваемых произведениях является момент искушения героя чертом, который заботится, естественно, не об искушаемом, а о своем интересе. Понятно, что именно в этих сценах проявляются особенности мировоззрений писателей и их понимание природы человека.

Гость в горьковском «Наваждении» пытается помочь купцу решить, как распорядиться своим большим состоянием, ведь «...деньга должна быть

со смыслом посеяна, тогда она может не только богатый – святой урожай дать» [4: 467]. Взывая к разуму Фомы Мироновича, «существо» убеждает героя придать смысл и оправдание всей его прошлой трудовой и темной жизни. Для этого надо только построить необходимые городу училища, гимназии, богадельни, и все эти каменные здания останутся нерушимыми памятниками великодушью купца. Маленький человечек учит Фому Мироновича достойно встретить благодарность горожан: «Ничего вы от меня не ждали, и я от вас ничего не жду – идите прочь!..» [4: 465].

Проснувшись, купец глубоко задумывается над смыслом своего сна, однако все-таки воспринимает его скорее как «наваждение», а не как руководство к действию. С одной стороны, очевидно, что герой не проходит испытания души, а именно она нужна черту, но, с другой стороны, это объясняется безграничной верой раннего Горького в разум человека и полным неверием писателя в его духовные возможности, на что, собственно, указывают обращения черта именно к сознанию Фомы Мироновича. Но ведь речь идет о памятниках *великодушья* героя, значит, по логике вещей, черт должен был бы и обращаться к душе Фомы Мироновича.

Как и Горький, Андреев в своей новелле стремится выявить природу современного ему человека в кризисной ситуации.

Уже в первом абзаце читатель узнает, что «старый сановник, большой барин, любивший жизнь», в Бога не верит, поэтому для него приближающаяся смерть «ужасна до последнего ужаса». И это понятно – человек неверующий может воспринимать смерть только как конец всему, который ничем не может быть оправдан.

Но вот в дом сановника приходит черт, и сановник оживляется: «раз существует черт, то смерти настоящей нет, а есть какое-то бессмертие» [2: 7]. Однако черт требует от сановника срочно решить – идти ли ему в «окончательную смерть» или же «в особенную, несколько странную и даже подозрительную жизнь» [2: 9].

Черт предупреждает, что окончательная смерть связана с вечным покоем, небытием, молчанием, пустотой. «Вы исчезнете бесследно, ваше существование прекратится абсолютно, вы никогда не будете говорить, думать, желать, испытывать боль, радость, никогда больше не произнесете «я», – вы исчезнете, погаснете, прекратитесь, понимаете, станете ничто...» [2: 9]. Напомним, что андреевские образы-символы «тишина», «молчание», «ничто» связаны с острым осознанием писателем трагизма современной жизни.

Вечная жизнь в аду, обрисованная андреевским чертом, явно реминисцирована и заставляет припомнить рассказ черта Достоевского: «Люди

принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом их трагедия. Ну и страдают, конечно, но ... все же зато живут, живут реально, не фантастически, ибо страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие – все обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато. <...> Какие муки (на том свете. – О.К.)? Ах, и не спрашивай: прежде было и так и сяк, а ныне все больше нравственные пошли, «угрызения совести» и весь этот вздор. Это тоже от вас завелось, от «смягчения ваших нравов». Ну и кто же выиграл, выиграли одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых оставалась совесть и честь... <...> Древний огонек-то лучше был» [5: 148-149].

А вот как андреевский черт объясняет принципы «вечной жизни»: «Ну, конечно, это не совсем то, чего бы вам хотелось, но тоже жизнь. У вас будут кое-какие развлечения, знакомства, разговоры... Вы будете жить вечно.

– И страдать? – пугливо спросил человек.

– Но что такое страдание? – брезгливо сморщился черт. – Это страшно, пока не привыкнешь. И я должен вам заметить, что если у нас и жалуются на что-нибудь, так именно на привычку. <...> На этой почве, знаете ли, у нас недавно вышли крупные беспорядки: требовали новых мучений. А где их взять? Кричат: шаблон, рутина... <...> Наш маэстро предложил грешникам: пожалуйста, мучайте себя сами. Пожалуйста! <...> Теперь они придумывают» [2: 9-10]. Вместе с тем черт успокаивает сановника, что остались и старые методы, в частности, «огонь».

Реминисценциями насыщены и размышления сановника, напряженно решающего, на чем же остановиться в своем выборе: «Что такое страдание? – думал он. – Разве не страданием была вся его жизнь, а как хорошо было жить. Не страдания страшны, а страшно то, пожалуй, что сердце их не вмещает. Не вмещает их сердце и просит покоя, покоя, покоя... <...> но не вмещает сердце и радости ..., устают оно от радости...» [2: 11-12].

Трагизм ситуации, в которую попадает сановник, связан с последним выбором человека на земле – «жизнь или смерть».

Известно, что Л. Андреев стоял у истоков русского экспрессионизма и экзистенциализма, поэтому ситуация, в которую попадает герой может прочитываться двояко.

С одной стороны, сердце сановника просит отдыха («покоя» в обывательском понимании), черт же может предложить герою лишь равнодушный к человеку закон Рока,

воплощающего невозможность постижения тайн бытия и обращающего личность в ничто. Сановник, как и герои писателей-экспрессионистов, «остро ощущает одиночество, несвободу, беспомощность перед лицом фатальных сил, роковых обстоятельств» [9: 260], поэтому он не способен оценить свою самоценность, а, следовательно, в пограничной ситуации сделать осознанный выбор, поэтому ему остается только уповать на волю случая.

Заголовок новеллы и ее заключительные фразы помогают понять читателю, как Судьба распоряжается долей сановника. Утрата «я», осознания самости личности, то есть выбор «полного нуля» (по Достоевскому) в мире потустороннем, в реальном мире оборачивается ощущением, что «гроб совсем пуст, и в нем нет никого, даже покойника, – так широки и гулки были звуки» [2: 12].

С другой стороны, ницшеанская концепция о смерти Бога привела в литературе к возникновению и концепции символистов-«декадентов» о богооставленности мира и ощущению, что человек становится игрушкой в руках злых inferнальных сил (напр., стихотворение «Чертовы качели» Ф. Сологуба), и концепции экзистенциализма о невозможности и абсурдности жизни людей без Бога. «Иначе говоря, человек живет в мире, где религиозная надежда умерла, а поэтому человеку как бы надо жить без высшего смысла и благодати. ...Это означает, что человек покинут, беспомощен, потому что ни в себе, ни вовне ему не на что опереться...» [8]. Понятно, что теоретическое осмысление этого направления появится значительно позже, но на интуитивном уровне Л. Андреев многое прозревал в своих произведениях.

С экзистенциальными ощущениями герой впервые сталкивается незадолго до смерти, в шумной компании вдруг ощутив себя отчужденным от мира веселья, необыкновенно одиноким.

И в окончательном решении сановник стремится снять с себя всякую ответственность за свой поступок, поэтому полагается не на свой свободный самостоятельный выбор, а на Судьбу. Понятно, что в таком случае любой росчерк пера героя не сможет его удовлетворить («что же я наделал»).

Итак, анализ показал, что проблема природы человека, его возможностей и выбора глубоко осмыслилась писателями Серебряного века. Причем рассмотренные произведения опираются на структуру главы романа «Братья Карамазовы» «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и открытия в изображении черта Достоевским. Вместе с тем, как показало исследование, писатели, выявляя несовершенную природу современного человека, объясняли причины ее несовершенства по-разному.

Ранний Горький, уповаю на разум, не верил в возможности духовных сил человека. Л. Андреев же вскрывал трагизм бытия человека сквозь призму экспрессионистического и экзистенциального мироощущений и, таким образом, делал шаг вперед в понимании природы человека XX века.

Литература

1. Альми И. П. О поэзии и прозе / И. П. Альми. – СПб.: Семантика-С; Скифия, 2002. – 528 с.
2. Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М.: Художественная литература, 1994. – Т.4. – 658 с.
3. Ветловская В. Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – СПб., «Пушкинский Дом», 2007. – 639 с.
4. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1949. – Т. 2. – 586 с.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. – Т.10. – 448 с.
6. Калениченко О. Н. Функции интертекста Достоевского в новелле З. Гиппиус «Иван Иванович и черт» / О. Н. Калениченко // Вісник Харківського національного університету. – Харків: ХНУ, 2004. – № 607. – С.106–109.
7. Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского / В. Кантор. – М.: Художественная литература, 1983. – 195 с.
8. Философия XX века. Экзистенциализм [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/FIL_XX/23.html
9. Швецова Л.К. Творческие принципы и взгляды, близкие к экспрессионизму // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1975. – С. 252–283.